

Litera

Правильная ссылка на статью:

Петров Д.В. Терминология на границе лингвистики и психологии: к проблеме строгих определений // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.40719 EDN: PTJQMN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40719

Терминология на границе лингвистики и психологии: к проблеме строгих определений

Петров Дмитрий Владимирович

ORCID: 0000-0002-1046-3522

аспирант, кафедра современного русского языка и общего языкознания, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

✉ dv95@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.40719

EDN:

PTJQMN

Дата направления статьи в редакцию:

11-05-2023

Аннотация: Статья посвящена аналитическому обзору неоднозначно толкуемых терминов и общеупотребительных лексических единиц, связанных с психической сферой, которыми в той или иной мере оперируют лингвисты. В статье подробно раскрывается проблема важности как можно более строгих толкований для такой лексики при ее использовании как в лингвистических текстах, так и вообще в текстах гуманитарных исследований. С целью точного формулирования толкований для двадцати лексических единиц, перечисленных во введении, в основной части статьи проводится самостоятельный анализ базовых психологических и семиотических понятий с опорой на актуальные антропологические знания. Для каждой из двадцати лексических единиц самостоятельно формулируется строгое толкование. В ряде случаев даются подробные комментарии о предполагаемой степени точности толкования, о недостатках возможных альтернативных толкований, о многозначности лексемы и др. В дополнение к самостоятельным толкованиям некоторых лексических единиц приводятся уже существующие в научном обороте толкования, оцениваемые в статье как удачные. В

конце аналитического обзора в виде схемы формулируется модель речевой коммуникации, опирающаяся на сделанные в обзоре выводы. Практическая направленность обзора – подготовка фундаментальной теоретической базы для кандидатского исследования, посвященного составлению оригинального лексического тезауруса для машинного сентимент-анализа.

Ключевые слова:

теория языка, психолингвистика, базовая терминология, психика, образ, понятие, знак, слово, значение, речевая коммуникация

Введение

Фактически текст является не более чем набором письменных знаков, имитирующим речь. Следует понимать, что в силу этого разговоры о «содержании» текста всегда условны.

Мышление человека приспособлено под символьное восприятие [\[1, с. 231\]](#), и владеющий речью человек обычно сразу воспринимает слово как его значение, а фразу – как ее смысл, по возможности игнорируя опорную оболочку. В воображении человека неизбежным образом происходит в некоторой степени отождествление знака и объекта, условным эквивалентом которого выступает знак.

В силу того, что это произвольное смешение не рефлексивируется, дети часто наделяют слова свойствами объектов, обозначаемых этими словами [\[2, с. 131\]](#), а носители малоразвитых культур часто воспринимают языковые метафоры буквально и в том числе под давлением традиции верят в странную мифическую реальность, противоречащую тому, что они наблюдают непосредственно [\[3, с. 189\]](#).

Возможно, из такого же искажения восприятия произошло и, на наш взгляд, ошибочное традиционное определение текста (как и слова) как некоего двустороннего феномена, существующего по собственной логике (см., напр.: [\[4, с. 8; 5, с. 90\]](#)).

Так, словосочетание *двусторонний языковой знак*, традиционно используемое в лингвистических работах, мы считаем логически некорректным. Что бы ни подразумевалось под «двусторонностью» какого-либо знака, эта характеристика заведомо бессмысленна. Любой объект может выступать в качестве знака, и количество каких-либо «измерений» этого объекта не принципиально. Важно исключительно то, что объект выполняет роль знака, которой его наделяет субъект, и никакие физические и любые иные параметры объекта при этом не важны.

Если же под «второй стороной» языкового знака подразумевается его значение, это просто логически ложно. Если мы условились воспринимать предмет *N* в качестве предмета *M*, т.е. условились обозначать предметом *N* предмет *M*, т.е. условились, что предмет *N* – это знак предмета *M*, а предмет *M* – это значение предмета *N*, из этого, очевидно, не следует, что предмет *M* – это вторая сторона предмета *N*.

«Двусторонней», что также очевидно, является только пара «значение – знак», каким бы термином мы ее ни назвали.

Тем более очевидна нелогичность характеристики «двусторонний» для слова (языкового знака), когда им обозначается сугубо ментальный объект. Первичный языковой знак

(звучащее слово) – это колебания воздуха. Значение этого знака (при обозначении сугубо ментального объекта) – это какой-то образ или набор образов, некие элементы памяти. Колебания воздуха и образы объектов существуют в разных «мирах», и одно в принципе не может быть стороной другого, если воспринимать выражение буквально.

Принимать же значение знака за вторую сторону знака в качестве теоретической условности – на наш взгляд, бессмысленное, избыточное усложнение.

По аналогии с термином *двусторонний языковой знак* мы считаем несостоятельными традиционные термины *план выражения слова (текста)* и *план содержания слова (текста)*.

План выражения – это и есть знак (знаки), а *план содержания* – это уже не знак (не знаки).

Избыточным усложнением нам также кажется концепция отдельного нейропсихического уровня языковых значений, «лингвосемантического» уровня психики. То есть: неправдоподобным нам кажется представление о том, что в неокортексе для (или – вследствие) словесного обозначения объектов реальности из образов этих объектов формируются дополнительные «усеченные лексические образы», которые уже ассоциируются в памяти со словами и становятся «лексическими значениями» как таковыми.

Такая система кажется нам неправдоподобной именно с биологической точки зрения. Экономия – базовый биологический принцип, и головной мозг любого организма экономит свой ресурс при первой возможности – на всем, на чем возможно (см., напр.: [\[6, 164–172\]](#)). Как мы уверены, крайне неэкономным с точки зрения морфологии мозга было бы формирование в системе памяти промежуточного звена между ментальными соответствиями знаков и образами обозначаемых ими объектов, когда возможно ассоциировать «знаки» и «образы» напрямую (разумеется, при возможности ослабления и устранения каких-то связей при их невостребованности).

Иными словами, мы предполагаем, что если провести эксперимент с использованием фМРТ (или иного подходящего метода), где испытуемого будут просить обозначить один и тот же хорошо известный ему объект с помощью разных знаков – не только словом, но и жестами, рисунком и т.д., то с большой вероятностью в мозге испытуемого будет активизироваться (среди прочих) один и тот же участок неокортекса, отвечающий за память об этом объекте. И то же самое, соответственно, будет происходить, не только когда испытуемый будет слышать известное ему слово, обозначающее известный ему объект, но и когда он будет распознавать этот объект в рисунке, в изображении жестами и т.д.

То есть, обобщая, вербальный язык как приспособление функционирует за счет той же нейробиологической основы, что и другие знаковые системы и в целом мышление, не формируя в мозге некий дополнительный физический слой.

Вышесказанным мы хотели как можно четче проиллюстрировать, что не существует значения как некоей универсальной, способной существовать где-либо, кроме как в памяти субъекта, сущности, которая может иметь раз и навсегда данную единственно верную интерпретацию. *Лексическое значение слова* – это только абстрактное наименование всего, что может быть ассоциировано в сознании говорящего с конкретным словом (то есть набором речевых звуков, а вернее, впечатлением о нем) – в конкретном контексте (ситуации), более или менее индивидуально и произвольно, более

или менее тесно. Толкования же значений в словарях – только обобщения, сформулированные с прицелом на общедоступность (в той или иной степени).

Очевидно, что в силу речевого опыта существенная часть слов стойко связывается в памяти человека с конкретными образами. Но если бы слово и значение в памяти человека представляли собой одну сущность, неразрывное единство, люди, например, не могли бы воспринимать слова и выражения в переносных смыслах, иронически, а также просто использовать слова в разных значениях. Под сомнением было бы существование местоимений, по определению не предназначенных иметь тесной привязки к объектам обозначения. Также людям было бы существенно труднее осваивать другие языки, переключаться с языка на язык, так как любой привычный образ рефлекторно «отзывался» бы в сознании говорящего словом из родного лексикона, мешая обозначить себя иноязычным словом. По той же причине было бы затруднительно «переучивать» любое слово, если ранее человек толковал его ложно, что в принципе ставило бы под вопрос адекватное освоение речи детьми.

Кроме того, если бы слова в памяти человека четко ассоциировались с конкретными образами, не возникало бы многих типичных помех в коммуникации (неважно, бытовой или научной), происходящих, когда одни и те же слова вызывают в сознании людей неодинаковую реакцию. К слову, недопонимание между людьми обычно возникает из-за того, что:

а) конкретное слово недостаточно привычно для человека, и он не успевает вспомнить его значение, воспринимая поток речи;

б) человек слабо представляет себе значение слова, поэтому в речи слово также «теряется», воспринимаясь просто как невнятный или случайный образ;

в) человек не всегда воспринимает многозначное слово в значении, адекватном контексту;

г) человек понимает слово ложно, «по-своему»;

д) человеку просто неизвестно значение слова, и смысл фразы для него также размывается.

В целом же человек не всегда мотивирован говорить точно и четко, просто потому что и без этого может достигать желаемого. Исключительно в конкретных нуждах говорящий – не обязательно по правилам грамматики – обозначает с помощью слов конкретные образы в своем сознании, а слушающий с опорой на произносимое представляет себе по возможности подобные образы и делает по возможности точные выводы о переживаниях говорящего – его желаниях, мыслях и т.д. Обозначаемые образы, конечно же, никогда не покидают сознание говорящего и пишущего, никак не взаимодействуют с сознанием слушающего и читающего и уж тем более никак не могут быть распознаны в наборах звуков и букв машиной, если в ее базе данных нет какого-то подобия этих образов.

Тем более мы не видим смысла говорить о некоей самодостаточной лексико-семантической плоскости, некоей сети семантических отношений слов в словаре языка, которую можно было бы выявить статистически.

Для вычислительной машины значение каждого набора символов – это неизвестная, переменная. Оперируя «цифровым» словом как набором символов, машина не может распознать значение слова, просто потому что не может обладать субъективным опытом, не способна наблюдать действительность, как сложный организм.

Ни один алгоритм не позволит выявить какую-либо «глубинную» схему семантических отношений слов, сколь бы обширной ни была база текстов, на которой обучается алгоритм, – просто в силу того, что в современном компьютере не может как-либо быть представлено значение хотя бы одной из тысяч переменных (слов), которые анализируются алгоритмом. С помощью алгоритма возможно только выявлять частотность и среднюю отдаленность соположения слов в тексте, закономерности соположения отдельных слов. Но люди усваивают значения слов, опираясь не на эти показатели, а на ситуации и контексты, уже имея при этом представление о значениях какого-то множества «переменных», хотя бы самых базовых.

Значение слова – это просто объект (вернее, его образ в памяти), который обозначен словом в конкретном контексте (ситуации). Этот объект может относиться к какой угодно предметной сфере – бытовой, профессиональной, общенаучной, специальной научной и т.д., и фактически вопрос определения значения слова – это вопрос владения конкретной темой. Откуда, к слову, очевидно, что лексикография – сфера принципиально метанаучная, междисциплинарная, энциклопедическая.

Подробные рассуждения выше мы привели в обоснование достаточно тривиальной, но принципиальной в контексте статьи мысли, что вся «содержательная» сторона текста, как и в целом речи, существует исключительно в подготовленном для этого *сознании* (которым ни одна машина в настоящее время не обладает).

Эта мысль, в свою очередь, призвана подтвердить, что, говоря о «содержательной стороне текста», мы говорим исключительно о явлениях психики и что для анализа «содержания текста», тем более машинного анализа, необходимо иметь хотя бы и общее, но однозначное представление об аспектах психики человека, связанных с тем, что мы называем значениями и смыслами. Такой подход нам необходим в первую очередь для более точного разграничения процессов в рамках сентимент-анализа, которые *возможно* автоматизировать и которые *не могут* осуществляться без участия субъекта.

Вслед за Б.Н. Головиным (см., напр.: [7]), мы считаем принципиальным оговаривать, как мы понимаем используемые нами слова с неочевидными, спорными толкованиями. Поэтому, предваряя наши последующие тексты исследований, мы хотели бы четко определить, что мы понимаем под такими словами, как *сознание, субъект, объект, реальность, впечатление, ощущение, чувство, эмоция, мысли, мысль, образ, признак, абстрактный, абстрактное мышление, понятие, знак, слово, значение слова, фраза, смысл фразы*.

Кроме того, пространство исследования, на наш взгляд, должно очерчиваться в границах, адекватных исследуемой предметной области, и описываться по возможности исчерпывающе. Только в этом случае возможно иметь *уверенность* в делаемых выводах, а выводы могут иметь не просто ориентировочный характер. Только так исследование будет интуитивно и логически ассоциировано с уже имеющимся у исследователя опытом, в том числе бытовым, переживаемым непосредственно, а не только абстрактным, и не будет замкнуто на себе и изолировано от всех иных накопленных знаний. К тому же, чем более подробно излагается ход мысли, тем очевиднее слабые места исследования и тем оно доступнее для критики.

Тем более это важно, когда рассуждения касаются сферы сознания, которая предельно неудобна для рефлексии и исследования которой до сих пор не дали ответов на вопросы, волновавшие и Л.С. Выготского, и Р. Декарта, и Платона (см., напр., обзорное исследование о «трудной проблеме сознания»: [8]).

Несмотря на то, что современные специалисты обладают действительно серьезными и подробными сведениями об устройстве и функционировании мозга, с опорой на эти сведения формулируют вполне убедительные объяснения различных субъективных процессов, данная сфера знания все еще слабо популяризована. По нашему впечатлению, в массовом сознании психика человека как феномен все еще мало отрефлексирована и обычно является чем-то слабо связанным с физиологией человека. Психические состояния, будь то эмоциональная усталость или счастье, люди часто объясняют себе с помощью морали, эзотерики, мистической философии, фольклорно-мифологических стереотипов и заметно устаревших мифопоэтических теорий об эросе, танатосе и т.п., а не сугубо биологически, – причем исключением здесь не являются ученые и даже врачи.

Так или иначе, степень развития современной антропологии и доступность ее достижений позволяют нам давать более углубленные толкования для вышеперечисленных слов и словосочетаний, чем это было возможно даже четверть века назад.

Приступая к терминологическому анализу, хотим отметить, что на наше понимание вопросов мозга и психики повлияли тексты и публичные выступления таких авторов, как: К.В. Анохин, С.В. Дробышевский, В.А. Дубынин, А.В. Курпатов, А.В. Марков, С.В. Савельев, А. Сет, Е.В. Тимонова, Т.А. Черниговская, С.А. Шумский и нек. др.

Аналитический обзор

Ставя вопрос о природе сознания, мыслители и исследователи разных веков, как мы понимаем, рассуждали в сущности о том, чем физически являются наши ощущения, каков их «материал» и почему сложный организм не может жить своей обычной жизнью, не имея сознания, то есть – через те же каналы получая информацию, обрабатывая ее и действуя в соответствии с ней, но не чувствуя что-либо.

Наиболее глубокое из известных нам современных определений сознания выглядит примерно так: *управляемая (в норме) галлюцинация, в которую оформляются наиболее вероятные для мозга его предположения о важных для самосохранения аспектах его собственного состояния, состояния организма, которым он управляет, и среды, в которой находится организм* [\[9; см. также: 10\]](#).

Само собой, приведенное определение объясняет функциональный смысл и – до какой-то степени – природу сознания, но все еще не объясняет сущность субъективного восприятия, то, почему специфичные электрохимические процессы в моем мозге здесь и сейчас создают «меня», почему «я» исчезаю, когда мозг начинает работать в другом режиме, и каково принципиальное структурное отличие живого тела от куска камня, в котором, что кажется естественным, никакого подобия «я» возникнуть не может.

Сознанием, равно как **реальностью**, мы будем называть все, что субъект ощущает в настоящем моменте. И первое, и второе, на наш взгляд, буквально одна сущность, просто обозначаемая через разные аспекты.

Понятие *объективной реальности (действительности)*, вслед за мыслителями прошлого (см., напр.: [\[11\]](#)), мы считаем исключительно теоретической условностью, продуктом интеллектуальной культуры. Поэтому в выражении *субъективная реальность* мы видим своего рода смысловую избыточность.

Мы не можем наблюдать «общую реальность» даже в границах человечества, поскольку,

имея возможность примерно идентичным с другими людьми образом наблюдать общий для всех *предметный мир*, человек способен наблюдать исключительно свой *психологический мир*, а об остальных может только судить. При этом суждения даже обо всеми наблюдаемом предметном мире у людей практически никогда не совпадают полностью, не говоря о том, что в каждый момент времени люди наблюдают предметный мир из разных точек пространства. В итоге у каждого человека реальность (кроме которой у него ничего и нет) индивидуальна почти во всех аспектах. «Общая действительность» остается для человека образом, который он может более или менее адекватно для себя формировать. Мы не отрицаем, что «все, как оно есть на самом деле», существует, но о нем нет смысла высказываться как о чем-то, что нам доступно, и само использование выражений типа *объективный мир*, *подлинная действительность*, *настоящая реальность* мы считаем претенциозным, голословным. Поэтому мы в принципе не видим смысла использовать такие выражения вне узких философских рассуждений.

Субъектом мы – предельно обобщенно – будем называть объект, обладающий сознанием. **Объектом**, также в широком смысле, – то, на что направлено внимание субъекта; то, что внимание субъекта выделило как целое, самостоятельную единицу. Т.е. словосочетание *объект внимания* мы считаем полным синонимом слова *объект*.

Заметим, что термин *объект* мы используем как родовой в принципе для любого термина и вообще слова. То есть объектом может стать что угодно, поскольку попросту что угодно может оказаться в поле внимания субъекта: не только предмет, но и, скажем, случайный участок стены, движение воды в реке, ощущение холода, желание присесть, абстрактное представление о кварке и т.д. – совершенно любая конкретная и абстрактная сущность. На неочевидность такого восприятия помимо прочего, влияет структурное сходство слова *объект* со словом *предмет*.

Для того чтобы охватить все непосредственно переживаемые, необобщенные проявления сознания, мы могли бы выделить десять видов субъективных процессов:

- 1) **рецепторное ощущение** – как переживание, формирующееся за счет клеточных рецепторов (напр., слуховое, мышечно-суставное, термическое, физической боли);
- 2) **фоновое чувство** – как фоновое переживание, выражающее какую-л. сторону общего состояния организма и формирующееся преимущественно в головном мозге (напр., голод, скука, удовлетворенность, усталость);
- 3) **эмоция** – как чаще всего кратковременное переживание, являющееся реакцией на что-л., чаще всего оценочной, и формирующееся исключительно в головном мозге (напр., раздражение, отвращение, смущение, удивление);
- 4) мотивация – как ощущение нацеленности на обладание каким-л. объектом, на осуществление какого-л. действия, воздействия, на переживание какого-л. состояния; ощущение в принципе заинтересованности в каком-л. изменении в наблюдаемой реальности (напр., интерес, желание, идея, намерение);
- 5) ощущение провоцирования собственного физического действия;
- 6) ощущение контроля над чем-л.;
- 7) ощущение концентрации на чем-л.;
- 8) ощущение собственного волевого усилия;
- 9) **мысли** – как синтетические переживания, формирующиеся на основе уже

имеющегося опыта исключительно в головном мозге, чаще всего направленные на пассивное проживание каких-л. сценариев (прошлых, ожидаемых, желаемых и т.д.), решение каких-л. задач, понимание чего-л. и в принципе реализацию актуальных мотиваций (в основном это ретроспекция, фантазирование, планирование, рефлексия, анализ, моделирование);

10) комплексное переживание (напр., влюбленность как сочетание фоновых чувств, мотиваций и мыслей).

Заметим, что для п. 1 мы не стали использовать просто слово *ощущение*, т.к. в обычном употреблении этим словом может быть названо вообще все из списка. По той же причине для п. 2 мы не использовали слово *чувство*.

Также мы понимаем, что какими-то словами могут называться и фоновые чувства, и эмоции. Например, отвращением, стрессом, тревогой, страхом в зависимости от того, насколько долгим и интенсивным для субъекта является переживание, могут называть как сконцентрированную реакцию, так и длящееся состояние, хотя по природе это будут несколько разные явления.

Выстраивать перечисленные проявления сознания в какую-то иерархию мы не видим смысла, т.к. в любом случае каждый из пунктов – это только искусственно вычленяемые элементы одного недискретного потока. Кроме того, мы придерживаемся точки зрения, что у всех животных, обладающих сознанием, есть все вышеперечисленные виды переживаний, за исключением, возможно, предпоследнего пункта. То есть назвать какие-то виды переживаний эволюционно более сложными, чтобы, опять же, расположить их в какой-то логически строгой схеме, мы не можем.

В отдельную категорию мы не выделяли **впечатление**, т.к. в принципе память является психической функцией, общей для всех перечисленных переживаний. Кроме того, субъективно, не в психоаналитическом обобщении, любые воспоминания буквально являются теми же переживаниями, которые они более или менее точно дублируют, просто заново воспроизводимыми и ослабленными. То есть любое впечатление, воспоминание всегда можно отнести к одному из десяти пунктов списка.

Вспоминание, произвольное или непроизвольное, субъект также ощущает как один элемент или комплекс элементов из списка выше. Например: сочетание концентрации на чем-л., собственного волевого усилия и рецепторного ощущения, когда субъект нацелен вспомнить, каким был предмет на ощупь, – либо просто рецепторное ощущение, когда субъект вспоминает это непроизвольно. И *вспоминание*, и *память* – умозрительные сущности: мы можем представить их, но никогда не наблюдаем сами по себе.

Подобную разницу мы видим между словами **мысли** (в значении *pluralia tantum*) и **мысль**. Если первым словом обозначают психологическое явление, то вторым – уже культурное. Даже простая мысль, выраженная словами *я хочу домой*, – это не просто желание или какое-то сочетание переживаний, а осмысленно составленная конструкция, чем и является любой объект культуры. В данном случае конструкция намеренно составлена из мысленных объектов, поочередно оказывающихся в фокусе внимания: собственного субъекта, собственной мотивации, пространственного образа. Уже эти объекты, для субъекта представляющие собой значимое единство, обозначаются словами.

Для ясности, такой ряд, как мы уверены, не может возникнуть в сознании собаки: в ее жизни не возникает необходимости мысленно выстраивать такие ряды, хотя это, конечно

же, не исключает того, что собака может хотеть домой и как-то выражать это желание. Тем не менее у нее нет возможности повлиять на реализацию своего желания, усилиями воли или в силу навыка выстроив в своем сознании такой ряд. Собака не может озвучить этот ряд, и, соответственно, ей нет смысла его выстраивать. Иными словами, *мысль* как феномен, на наш взгляд, появилась благодаря развитию речи.

Мысли как переживание – это процесс, любое членение которого условно по умолчанию. При этом дискретность, почти предметность отдельной мысли (даже формально выраженные в единственном числе существительного *мысль*) – сами по себе говорят об иной, искусственной природе того, что обычно называют мыслью. Кроме того, *мысль* как объект нельзя естественным образом представить ни во внешнем, объемном, мире (как предметы), ни во внутреннем мире чувств (как *мысли*), принципиально не геометричном, – она существует в своем отдельно воображаемом линейном пространстве, где один за другим располагаются ее элементы.

Описанное свойство мысли мы не хотели бы обозначать как **абстрактность**. Под *абстрактностью*, для большей четкости и однозначности, мы хотели бы понимать исключительно обобщенный характер чего-либо.

Так, под **образом** (объекта) мы понимаем усредненное впечатление, обобщение некоего множества подобных впечатлений об объекте или ряде подобных объектов (или уже обобщение образов, если речь идет о сложных образах). Иначе говоря, образ – это то, что остается после усечения всех несущественных фрагментов условно «накладываемых» друг на друга подобных впечатлений (или более простых образов), усечения всех несущественных различий между объектами при сравнении.

Существует ли образ как психологическая сущность в данном нами определении, существует ли эта сущность как нечто иной природы, существует ли в принципе эта сущность в действительности, а не только как теоретическое умопостроение, утверждать однозначно мы не можем.

Опять же, очевидно, что в бытовом и вообще в нестрогом употреблении под образами часто понимают просто впечатления или вообще все, что может возникать в сознании, уже – в воображении.

Для уточнения данного нами определения стоит заметить, что, насколько мы можем судить, какого-то единичного образа, скажем, груши в памяти человека нет. Думая об одном и том же, в разное время человек, скорее всего, будет представлять себе разное, и, конечно же, при вспоминании воображение будет творчески преобразовывать ранее воспринятое.

Обсуждая же что-либо с другим человеком, мы всегда имеем ложную уверенность, что одно и то же слово отзывается в наших умах идентичными впечатлениями, даже зная, что это не так. В силу постоянного речевого общения мы вынужденно принимаем как данность, что существуют некие общие *тепло, голос, часы*, тем не менее никогда внятно не представляя себе эти обобщенные сущности. И их мы также называем образами, хотя и в несколько ином, уже не психическом, а культурном смысле.

В связи с этим отметим, что использование речи, на наш взгляд, больше, чем любой другой фактор, создавало для людей необходимость выделять образы как дискретные, единичные сущности.

Также важно сказать, что мы видим смысл различать образ единичного объекта и образ

класса объектов, синтезируемый из впечатлений о подобных друг другу объектах (или уже из более простых образов). Отметим сразу, что образ класса объектов – это, на наш взгляд, еще не понятие.

В рамках такого разграничения *впечатления* и *образа* использование термина *концепт* в лингвистических контекстах мы считаем избыточным. То, что разные впечатления и представления могут обобщаться и индивидуально, и культурно специфично, – полностью естественно. Поэтому выражения *образ дома* и *понятие дружбы* у автора *N* или в культуре *M* кажутся нам равнозначными таким же выражениям со словом *концепт*.

Другого рода абстракцией, как мы себе представляем, является *признак* объекта. Кажется бесспорным, что **признак** – это часть, сторона, свойство объекта, отличающие его от объектов, с которыми происходит сравнение. Иначе говоря, это фрагменты, элементы, «не совпадающие» при условном наложении друг на друга впечатлений об объекте и неких других объектах (или уже при наложении образов).

При выделении признака как фрагмента объекта усекается все за пределами этого фрагмента – все, что при наложении *совпадает*. В этом состоит абстрактность, обобщенная природа признака: для его выделения как единицы необходимо рассмотреть множество объектов (аналогично с выделением образа).

Когда мы мысленно выделяем признак объекта, наше внимание сфокусировано на части, стороне, аспекте объекта, отличающих его от каких-то других объектов, и, соответственно, *отвлечено* от объекта как целого. Поэтому любой признак мы переносно называем *отвлеченной* сущностью, или абстрактной, что этимологически то же самое.

В обоих случаях (образа объекта и признака объекта) абстракция является результатом взаимоналожения некоего множества впечатлений (образов) и усеечения чего-то, что выделяется при наложении. Более обобщенно: абстракция является результатом сравнения некоего множества объектов и исключения того, что либо совпадает, либо отличается. Так мы представляем себе механизм, конкретную реализацию обобщения, абстрагирования.

В этом свете мы солидарны с определением *абстрагирования* как приема мышления, который заключается в отвлечении от ряда свойств и отношений изучаемого явления с одновременным выделением интересующих исследователя свойств и отношений [\[12\]](#).

Абстрактным мышлением мы назвали бы мышление, в процессе которого субъект, отстраняясь (*отвлекаясь*) от внешнего мира, затормаживая свое непосредственное восприятие, на основе уже накопленного опыта целенаправленно формирует в воображении сложные обобщения: понятия, концепции, модели, сценарии, теории и т.д.

Речевой опыт не позволяет нам сказать *понятие часов* или *понятие птицы* вне специального контекста, хотя и первое, и второе существительное могут обозначать класс объектов. **Понятие** как абстракцию мы не можем определить просто как категориально обобщенный объект.

Более того, вообще не всякую сложную, многоуровневую абстракцию (где выделяются признаки образов, признаки признаков, несколько образов обобщаются в один более сложный и т.д.) возможно назвать понятием. Например, словом *нонсенс* называют характеристику, которая могла быть придумана только в культуре с развитой концепцией логики. И все же в обычном употреблении *нонсенсом* называют просто что-то противоречивое, и вряд ли при этом можно говорить о *понятии нонсенса*. Хотя очевидно,

что во многих специфических употреблениях (этнически, индивидуально-авторски, по сфере употребления) это слово будет называть именно понятие.

Заметим, что, на наш взгляд, натянуто звучит утверждение о том, что в психике подопытных животных в процессе экспериментов может формироваться *понятие* квадрата или подобной по сложности геометрической фигуры. В зрительной коре мозга любого высшего животного есть участки, отвечающие за различение таких элементарных свойств объектов, как цвет, размер, ориентация в пространстве и в том числе форма [\[13, 14, 15\]](#). Кажется естественной мысль, что крыса или осьминог, понимая, что к пище их приведет дорожка, отмеченная чем-то треугольным или овалоподобным, различают эти фигуры, не осмысляя их как что-то специфическое, – так же, как это делают дети, еще не освоившие не только основы геометрии, но и речь.

Отличительным признаком понятия нередко называется то, что его нельзя нарисовать, изобразить обычным способом. Вместе с тем нельзя прямо проиллюстрировать и такие слова, как, например, *боль*, *зуд*, которые обозначают хотя и ментальные сущности, но предельно необобщенные, элементарные. Более того, мы не можем однозначно проиллюстрировать с помощью цельного рисунка, а не условно-графически большинство элементарных признаков, таких как «большой», «светлый», «вытянутый» и т.д. При этом, что кажется очевидным, было бы странно считать признаки понятиями.

Т.к. признак выделяется при сравнении, изобразить его возможно только с помощью пары (или большего числа) объектов, причем субъект, даже если это будет просто, все равно должен догадаться, какое отличие между объектами подразумевается на схеме. Необходимость толкования говорит уже не об образной, а о знаковой природе такого изображения.

Таким образом, нарисовать мы не можем не только понятие, но вообще любой объект, который невозможно определить в достаточной мере без слов, с помощью только указания на него.

Далее, мы не можем сделать вывод о том, что такое понятие, опираясь на структурную специфику определений слов и словосочетаний, обозначающих понятия. Можно заметить, что фундаментальное определение любой такой единицы выглядит как существительное, местоимение или набор тематически связанных существительных, как-либо распространяемые. То есть понятие в словесном определении всегда представлено как обобщенный объект или некое множество объектов, конкретизируемые набором признаков. Например, так выглядит толкование слова *гипотеза* в Большом толковом словаре: «*научное предположение, выдвигаемое для объяснения каких-л. явлений и требующее проверки, подтверждения опытным путем*» [\[16: форматирование – Д.П.\]](#). Пример определения с местоимениями: *величина* (матем.) – это «*все то, что можно измерить и исчислить*» [там же; аналогично].

На наш взгляд, мы сформулировали предельно конкретную смысловую структуру понятия, которую возможно выделить с опорой на структуру определений. Но очевидно, что она все еще слишком обща и идентичную смысловую структуру можно выделить у большинства объектов, которым даются определения как в специальных, так и в общих словарях. В целом данный и подобные ему формальные подходы к определению сущности понятия кажутся нам бесперспективными. Так, например, неудачным нам кажется структурный анализ, приведенный в статье «Понятие» в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» [\[17\]](#).

Развитость значения слова, которым названа сущность, мы также не считаем специфическим признаком понятия. Например, слово *источник*, согласно Большому толковому словарю [16], имеет четыре значения, три из которых сформировались на основе предыдущих: *водный источник* – *источник чего угодно* – *источник сведений* – *научный источник*. Но на наш взгляд, даже в последнем значении слово *источник*, употребленное не в словосочетании *научный источник*, называет просто более сложный образ, чем в предыдущих трех значениях. При этом даже если всегда воспринимать слово *источник* в четвертом значении как обозначение понятия, остается неясной граница между развитием значения достаточным и недостаточным для того, чтобы считать обозначенную сущность понятием. В любом случае количественный критерий здесь был бы явно некорректным.

В конечном счете единственный подход к определению термина *понятие*, который кажется нам адекватным, состоит в следующем: *понятие* – это только статус образа, так же как *термин* – только статус слова. Если конкретный объект рассматривается в контексте какой-л. теоретической системы, его возможно считать и называть понятием, а слово, которым он назван, – считать и называть термином. Иными словами, термин – это специальное слово, а понятие – специальный образ.

Например, для нас не является понятием то, что мы в бытовом употреблении называем *точкой*. Это элементарный бытовой образ, который можно проиллюстрировать даже без словесного описания.

При этом в контексте математики или лингвистики объяснить, что такое точка, просто показав на нее, уже нельзя: мы должны также как-то указать на признаки *точки*, существенные для определения ее места в системе, где она существует. Именно нахождение в такой теоретической системе – неважно, в рамках науки или какой-то профессиональной, художественной, религиозной и т.д. сферы, – всегда позволяет назвать сущность понятием.

Вне теоретизирующих контекстов мы не можем сказать *понятие качества*, *понятие величины*, *понятие источника*, *понятие аналога*. Для каждого из выражений напрашивается продолжение в *(какой-то сфере, теме)*. Вне целенаправленно выстраиваемых систем качество, аналог и т.д. будут все еще только сложными образами. Так, представление человека о себе – это очень сложная абстракция, но мы скорее скажем «образ себя», чем «понятие себя». С другой стороны, имеет смысл говорить о понятии «Я» в психологии.

Итак, образ становится понятием, когда становится элементом теоретической системы. Данная характеристика по общему счету неформализуема, и именно поэтому свойство «быть понятием» мы определяем как возможный статус образа, а не какое-то полноценное постоянное свойство, воплощенное в некоей самостоятельной сущности «понятие».

В связи с вышесказанным встает вопрос о том, имеют ли смысл такие выражения, как *образ арбитража*, *образ контаминации*, *образ углового момента*.

Несмотря на явную неестественность звучания этих выражений, логических противоречий «внутри» них мы не видим. Все три термина, к которым приставлено слово *образ*, обозначают объекты, каждый из которых можно представить как абстракцию более простых образов. Все три выражения прозвучат естественнее, если прибавить к ним, например, слово *комплексный*.

При этом заметим, что выражения *образ бессмыслицы*, *образ вознаграждения*, *образ добавки* также не звучат естественно, хотя слова, к которым здесь приставлено слово *образ*, вне специальных контекстов не являются терминами и обозначают сущности, которые вряд ли можно считать понятиями.

Восприятие понятия как разновидности образа неочевидно в силу того, что мы привыкли представлять *понятие* как что-то бестелесное, оторванное от предметного мира, исключительно умозрительное, в то время как *образ* в нашем представлении – это как раз нечто имеющее конкретное воплощение. Возможно, на это влияет и грамматика: в отличие от слова *образ*, слово *понятие* имеет средний род. В любом случае описанное нами представление – только стереотип, от которого имеет смысл отстраняться: выше мы привели примеры образов, таких же «бестелесных», как сущности, которые мы привыкли называть понятиями.

Отдельно отметим, что идея специального однословного термина для «комплексных образов» кажется нам неудачной ввиду ее поспешности. Возможность однозначно разграничить *впечатление* и *образ* как психические сущности в рабочих определениях мы еще имеем, но, как мы уверены, в настоящее время невозможно обосновать строго структуру образов внутри конкретного «комплексного образа» (разумеется, индивидуальную структуру, как-либо наблюдаемую из структуры или функционирования неокортекста конкретного человека) и какие-либо критерии определения места отдельного образа в этой структуре.

Каждое конкретно рассматриваемое *впечатление*, как отпечаток ощущения, мы наблюдаем непосредственно, но *образ* мы определили как неким неочевидным для нас образом обработанные впечатления – условную, гипотетическую абстракцию условного множества впечатлений. Даже если наша концепция образа адекватна действительности, при современных технических и методологических возможностях мы не сможем проверить наши модели «комплексных образов». Тем более ясно, что мало смысла строить гипотезы внутри гипотезы.

В связи с этим заметим, что любые схемы образов – общепсихических, общечеловеческих, культурных, индивидуально-авторских и т.д., дающиеся сегодня в психологии, когнитивистике, литературоведении и других гуманитарных и культурологических дисциплинах, мы считаем заведомо произвольными, условными, а их строгое обоснование, соответственно, – заведомо невозможным.

Далее нам кажется закономерным рассмотреть понятие **знака**.

Нам близок подход Ю.М. Лотмана, определявшего знак как «материально выраженную замену предметов, явлений, понятий в процессе обмена информацией в коллективе» [\[18: форматирование и склонение – Д.П.\]](#).

Мы определили бы *знак* как в большинстве случаев материальный объект (предмет, материальный процесс, искусственную конструкцию), который субъект воспринимает как эквивалент какого-л. объекта.

Чтобы конкретизировать определение, приведем примеры того, что мы считаем корректным называть знаками.

Не вызывает сомнения, что знаками являются жесты (материальные процессы), денежные монеты (предметы), иероглифы (искусственные конструкции). Менее очевидно то, что выражение эмоции с помощью голосовых связок (материальный процесс) –

неважно, человеком, шимпанзе, пумой или чайкой, – также является знаком. Непроизвольный крик боли, само собой, является просто реакцией, но, когда в голосовом сигнале выражается отношение к чему-либо (недовольство чем-то или, наоборот, радость), очевидно, что этот сигнал, обязательно направленный на кого-то, является условным эквивалентом эмоции, не являясь, конечно же, ни самой этой эмоцией, ни ее обязательным следствием. При этом второй субъект, пускай часто это и несложно, должен догадываться, что хотел выразить первый субъект, издавший рык, вой, визг, щебет, – и учится этому с детства. Как мы уже писали выше, рассуждая о характере графического изображения признака, необходимость интерпретации – свидетельство знаковой природы объекта.

Также неочевидным нам кажется то, что иероглиф, обозначая, как правило, слово (звучащее, непосредственную единицу речи), – является знаком знака.

Слово (не служебное) мы определяем исключительно как артикуляционный звук или сочетание таких звуков, которые субъект воспринимает как эквивалент какого-л. объекта (так или иначе представленного в памяти субъекта).

Следовательно, **значение слова** (не служебного) мы определяем как объект (так или иначе представленный в памяти субъекта), эквивалентом которого субъект воспринимает слово.

В современных языках много вспомогательных слов, не обозначающих что-либо, но влияющих на то, что обозначают другие слова во фразе. Мы не считаем принципиальным учитывать в данных выше определениях несамостоятельные слова, хотя формулировки можно было и усложнить. Система языка с развитой грамматикой, очевидно, вторична по отношению к изначальным системам, где, как мы уверены, любая фраза состояла только из знаменательных слов, часть которых только со временем эволюционировала в служебные. Важно то, что грамматическое усложнение, на наш взгляд, не меняет изначальной сути языка (но, нужно заметить, отвлекает от нее).

Выделение же *десигната, денотата, коннотата, референта, интерпретанты, сигнификата* и т.д. внутри просто *обозначаемого* (в рамках именно семиотики, а не, например, теории речевых актов) кажется нам если не ложным, то пустым – излишним и запутывающим. Во-первых, все эти разграничения произвольны и недоступны обоснованию, что уже делает их схоластичными, учитывая, насколько серьезно и подробно они подаются. Во-вторых, знаками мы в любом случае обозначаем не «вещи сами по себе», а наши, говоря нестрого, впечатления о них, которые формируются из ощущения их, а не из них самих. Разграничение «настоящего» объекта и «представления» о нем в семиотике, а не в философии только отвлекает от сути. Ни в коммуникации, ни вообще в жизни человек не сталкивается ни с чем, кроме «представлений», которые он при желании может как-то обозначать. Поэтому мы видим смысл в простом разделении: *знак* и *обозначаемое*.

В частности, как уже было сказано во введении, мы, с одной стороны, не разделяем точку зрения, что *языковой знак* является «двусторонним», что бы под этим ни понималось, а с другой, не видим смысла в качественном разделении *языковых значений* и любых других. То есть: «первичные» знаки языка – такие же материальные объекты, как и любые другие знаки, и при коммуникации они, как мы уверены, отсылают к тем же «элементам памяти», что и любые другие знаки с аналогичными значениями.

Фразу мы определяем как набор слов, обозначающий мысль, реже – просто выражающий эмоциональную реакцию.

Мысль в данном контексте мы определим уже более точно как линейную мысленную конструкцию из образов, предназначенную для обозначения словами и сообщения с ее помощью чего-либо кому-либо.

Заметим, что мысль в нашем определении также является знаком (искусственной конструкцией, если говорить о разновидности), поскольку выстраиваемый в ней набор образов, опять же, не сообщает о чем-либо сам по себе, а требует интерпретации (понимания того, что субъект хочет выразить этим набором образов), которая возможна исключительно за счет биологического подобия субъектов, общающихся на вербальном языке.

Понятно, что *мыслью* обычно называют само сообщаемое, а не линейную конструкцию из образов, с помощью которой оно обозначается в речи.

Смыслом фразы мы называем то, что субъект хочет сообщить кому-либо с помощью фразы (и соответственно, с помощью обозначенной фразой мысли), либо то, как субъект понял, что другой субъект хотел сообщить с помощью фразы (и обозначенной фразой мысли).

Просто *смыслами*, как нам кажется, обычно называют «сообщения» субъектов в любых знаках или «сообщения», которые субъект видит во всем, что воспринимает в качестве знаков. Очевидным нам кажется, что понятие *смысла* стало применяться не только к фразам, но и к текстам, жестам, изображениям, кинофильмам и проч. объектам культуры уже по аналогии с вербальными фразами.

Понятно, что под *смыслом* также часто имеют в виду цель, назначение действия (шире – процесса), его полезность. С другой стороны, в широком понимании *смысл фразы* – это как раз то, ради чего она произносится, цель, с которой субъект произносит фразу.

Так мы, учитывая все вышесказанное, изобразили бы нашу модель речевой коммуникации в виде схемы (см. Рисунок 1).

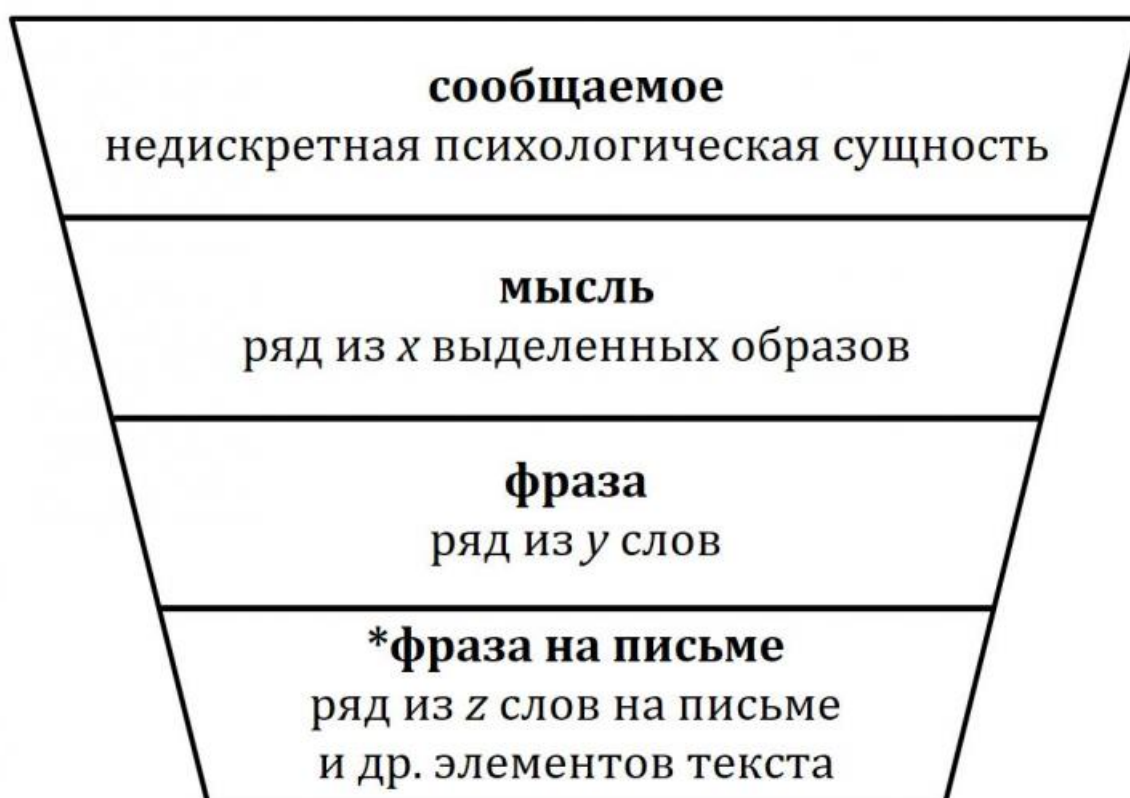

Рисунок 1. Схема речевой коммуникации**Заключение**

Представленный выше материал мы планируем использовать в русле кандидатского исследования, посвященного составлению оригинального лексического тезауруса для машинного сентимент-анализа. В рамках этого исследования мы планируем также:

- 1) рассмотреть вопрос об исторических взаимосвязях мышления, речи, абстрактного мышления и интеллектуальной культуры;
- 2) сделать аналитический обзор актуальной терминологии сентимент-анализа;
- 3) провести анализ теоретических основ составления лексических тезаурусов для машинного сентимент-анализа;
- 4) представить оригинальные идеи и решения в контексте составления лексических тезаурусов для машинного сентимент-анализа;
- 5) представить оригинальный лексический тезаурус для машинного сентимент-анализа.

Библиография

1. Шумский С.А. Символьное мышление роботов // Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях – 2019: труды VI Всероссийской конференции. Нижний Новгород: ИПФ РАН, 2019. С. 230–232.
2. Шахнарович А.М. Мотивированность знаков языка в онтогенезе речевой деятельности // Вопросы семантики: межвуз. сб. Калининград: Калинингр. ун-т, 1978. С. 130–134.
3. Трофимов С.В. Эмиль Дюркгейм о роли религии в общественной жизни. Обоснование выбора элементарной религии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. №3. С. 193–197.
4. Токарев Г.В. Формирование квазисимволов на базе коннотаций значений вербальных единиц // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2020. №3. С. 5–13.
5. Барабаш О.В. Подходы к пониманию феномена полисемии // Вестник ПензГУ. 2015. №1 (9). С. 88–92.
6. Савельев С.В. Морфология сознания: В 2 т. – 2-е изд., испр. и доп. М.: ВЕДИ, 2020. Т. 1. 224 с.
7. Головин Б.Н. Проблема предметной и понятийной отнесенности лингвистических терминов (на материале терминов синтаксиса) // Термины в языке и речи: межвуз. сб. Горький: Изд. ГГУ, 1985. С. 3–13.
8. Лимитовский А.М. «Трудная проблема сознания» как философская проблема и теоретический конфликт // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2019. №3. С. 34–50.
9. Сет А. Осознанная реальность – это галлюцинации нашего мозга [Видеозапись с расшифровкой] // TED2017. – Ванкувер, 2017. – Режим доступа: https://www.ted.com/talks/anil_seth_your_brain_hallucinates_your_conscious_reality/transcript?language=ru (дата обращения: 11.03.2023)
10. Seth A. Being You: A New Science of Consciousness. N.Y.: Dutton, 2021. 352 p.
11. Warburton N. A little history of philosophy. New Haven: Yale University Press, 2011. 272 p.
12. Современный образовательный процесс: основные понятия и термины / Авт.-сост. Олешков М.Ю., Уваров В.М. – М.: Компания Спутник+, 2006. 191 с.
13. Anzai A., Peng X., Van Essen D.C. Neurons in monkey visual area V2 encode

- combinations of orientations // Nature Neuroscience. 2007. Vol. 10. No. 10. Pp. 1313–1321.
14. Hegdé J., Van Essen D.C. Selectivity for Complex Shapes in Primate Visual Area V2 // The Journal of Neuroscience. 2000. Vol. 20. Pp. 1–6.
15. Hegdé J., Van Essen D.C. Temporal dynamics of shape analysis in Macaque visual area V2 // Journal of Psychology. 2004. Vol. 92. No. 5. Pp. 3030–3042.
16. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2008. 1534 с.
17. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Гл. ред. И.Т. Касавин. – М: «Канон +», ООО «Реабилитация», 2009. 1247 с.
18. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 135 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Терминология на границе лингвистики и психологии: к проблеме строгих определений», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения терминологии междисциплинарных исследований, а именно в области соотношения лингвистики и психологии.

Данный феномен изучается на протяжении последних десятилетий в языкознании, однако существуют неисследованные лакуны. Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики. В работе автор пытается систематизировать различные научные точки зрения на исследуемую проблему как в российском, существующих так и зарубежном языкознании, а также провести классификацию.

Практическим материалом для осмысления вопросов мозга и психики явились тексты и публичные выступления таких авторов, как: К.В. Анохин, С.В. Дробышевский, В.А. Дубынин, А.В. Курпатов, А.В. Марков, С.В. Савельев, А. Сет, Е.В. Тимонова, Т.А. Черниговская, С.А. Шумский и нек. др.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: структурно-системный подход, функциональный подход, семиотический подход и др. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 18 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и на иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Автор не обращается к русскоязычным источникам и традициям отечественной научной школы. В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов. Считаем, что список использованной литературы достаточен и авторитетен. Автор также обращается к традициям отечественной научной школы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для

читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по контитивной лингвистике, психолонгвистике и теории языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Терминология на границе лингвистики и психологии: к проблеме строгих определений» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.